адаптировать эту, по большей части, зарубежную модель, к нашему законодательству и менталитету, и обеспечить необходимый минимум процессуально-правовых гарантий медиатору.

И, пожалуй, самое главное отличие – финансовая сторона вопроса. Деятельность судей в отставке в качестве судебного примирителя является оплачиваемой за счет бюджетных средств, это означает, что для сторон процедура судебного примирения является бесплатной. Напротив, процедура медиации осуществляется на возмездной основе, и стороны вправе в соглашении о проведении процедуры медиации обговорить порядок распределения расходов, связанных с проведением процедуры медиации. Следовательно, обязательства по вознаграждению судебного примирителя берет на себя государство, а обязательства по вознаграждению медиатора – стороны правового конфликта.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что судебное примирение и медиация являются похожими, но не тождественными, и не подменяющими друг друга процедурами, они имеют существенные различия в своем содержании, но взаимодополняют друг друга. Главное, что они преследуют одну и ту же цель – нивелирование спорного отношения между действительными участниками материального правоотношения и, как следствие решают проблему загруженности российских судов.

1. Концепция Единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124 // Справочная поисковая система «КонсультантПлюс».
2. Проект Федерального закона № 121844-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» (ред., внесенная в ГД ФС РФ ВАС РФ, текст по состоянию на 02.08.2012) // Справочная поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.01.2018г. № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур»» // Справочная поисковая система «КонсультантПлюс».

Дуленина О.В., Медведев С.С.

Профилактика женской виктимности

*Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
(Россия, Краснодар)*

doi: 10.18411/lj-07-2021-80

Аннотация

Данная работа направлена на изучение мер профилактики виктимного поведения женщин, проблем их виктимности и виктимологических особенностей. Неоспоримым является тот факт, что женщины относятся к одной из самых виктимизированных групп населения. Но, даже с учетом этого, криминологические подходы, сконцентрировавшие своё внимание на проблемах поведения жертв преступности, крайне редко включают в свой предмет изучения развитие женской виктимности. Таким образом, в современных реалиях актуальность рассматриваемой нами темы является безусловной.

Ключевые слова: виктимность женщин, виктимизация, профилактика виктимности, виктимологические особенности, виктимное поведение.

Abstract

This work is aimed at studying the victimological characteristics of women, the problem of their victimization, as well as measures for the prevention of victim behavior. It is undeniable that women belong to one of the most victimized groups of the population. But, even with this in mind, criminological approaches that focus on the problems of the behavior of crime victims rarely include the development of female victimization in their subject matter. Thus, in modern realities, the relevance of the topic we are considering is unconditional.

Keywords: victimization of women, victimization, prevention of victimization, victimological characteristics, victim behavior.

Такая наука, как виктимология означает «учение о жертве». Она представляет собой один из разделов науки криминологии, предмет изучения которой особенный – это непосредственно личность жертвы, её поведение и роль в возникновении преступления, отношения с преступником. Перечисленное является научной основой, посредством которой прогнозируются шансы подвергнуться преступлению, меры пресечения противоправных действий, их предупреждение – профилактика. Всё это ведет к разработке способов защиты потенциальных жертв, обеспечению их безопасности, что является одной из основных задач виктимологии наряду с правовым воспитанием граждан и изучением поведения жертвы.

В настоящее время огромное значение придаётся виктимологической профилактике. Преступление является результатом синтеза жизненного происхождения с антисоциальными личностными чертами преступника, а в первом порой прослеживается поведение и потерпевшего.

Безусловно, решающую роль в совершении преступления играют именно лица, склонные к преступному поведению, но, несмотря на этот факт, не стоит игнорировать значение и самих потерпевших. Большинство профилактических виктимологических мер не учитывают это и носят лишь односторонний характер, направленный, разумеется, на личность преступника.

Криминология занимается изучением причин преступности; поводом для конкретного преступления принято считать действующие рычаги, способные вызвать у субъекта преступления определённые мотивы к его совершению. В свою очередь мотив, возникающий при коллизии потребности со способным её удовлетворить предметом, представляет собой материализованную потребность.

На возникновение и формирование мотива и сама жертва способна оказывать весомое, порой критичное влияние. Это означает, что своим поведением она непосредственно влияет на развитие событий в положении совершения преступления. Так, прямо пропорционально с осознанием особенностей поведения жертвы, возрастают шансы разобраться в истинных причинах совершенного преступления.

Существует один требующий неотложного внимания факт: у жертвы и преступника находится немало общих свойств.

Например, самое очевидное из таких свойств гласит: как пострадавший, так и злоумышленник зачастую действуют в зависимости от сложившейся ситуации, исходя из своих возможностей и под влиянием особенностей как физических, так и психологических. А это означает, что изначально предугадать точное развитие дальнейших событий и действий чрезвычайно сложно.

Встречаются такие ситуации, в которых потерпевшего и преступника определяет всего лишь случай, также не исключаются совмещение их в одном лице или даже смена ролей между ними в одном и том же эпизоде. То есть, жертва зачастую оценивается как динамичный элемент в образовании преступной ситуации, способный изменять своё в ней положение и значение. Яркий пример подобной метаморфозы можно рассмотреть на примере дела сестер Хачатурян 2018-го года: трое сестер, на

протяжении нескольких лет подвергающиеся домашнему насилию со стороны отца, убили его, действуя в рамках необходимой самообороны. Таким образом, 57-летний Михаил Хачатурян, годами истязавший своих дочерей, сам стал жертвой. Этим и была прервана цепочка продолжительных периодически возобновляющихся насильственных действий [10].

Помимо этого, жертва может быть как вовсе невиновна в образовании общественно опасной ситуации, так и виновна в той же степени, что и преступное лицо или даже больше, чем оно. В данном криминологическом аспекте вина подразумевает под собой особое поведение жертвы, поспособствовавшее зарождению преступного умысла и его воплощению в дальнейшем. Точно также понимается и провокация со стороны потерпевшего – мотивирование, дополнительное стимулирование к определенным действиям, в данном контексте, это – побуждение преступника к конкретному опасному деянию.

«Я знавал людей, которые излучают собой уязвимость. Их мимика говорит: «Я боюсь тебя». Такие люди побуждают к насилию. Ожидая, что тебе причинят боль, не поощряешь ли ты её тем самым?» – Тед Банди, американский серийный убийца.

Необходимо учитывать тот факт, что провокация способна иметь разные причины своего происхождения. Таким образом, её принято разделять на активную и пассивную. Активная форма провокации подразумевает действия со стороны жертвы происшествия, образующие для его жизни весьма опасные условия, которых она рассчитывает избежать в силу того, что лицо, подвергаемое провокации не решится применить насилие ввиду его физических или психологических качеств. В свою очередь, пассивная форма провокации заключается в неисполнении потерпевшим лицом некоторых обязанностей, которые происходят из различных видов общественных отношений (например, семейных, товарищеских и иных). Также существует третья форма провокации – неосознанная, выражающаяся в том, что у потенциальной жертвы отсутствует осознание вероятности того, какие опасные последствия его неосторожность способна за собой повлечь.

Так, подробное изучение жертв преступления с различных научных спектров с учетом их психологических, физических, возрастных, гендерных и иных особенных черт является необходимым для более успешного прогнозирования, предупреждения и дальнейшего пресечения преступных деяний. Далее в статье подробно рассматриваются именно гендерные особенности жертв. Данная информации создаёт почву для выявления таких групп людей, чьи представители в сравнении с другими склонны к наиболее частой подверженности противоправным покушениям. «Предупрежден, значит, вооружен» – именно такой подход позволяет уберечь от покушений лица, находящиеся в «группе риска»: вооружив их грамотными профессиональными советами и рекомендациями по обеспечению их личной безопасности. Невозможно преуменьшать важность рассматриваемого вопроса, ведь он относится к одному из определяющих критериев не только безопасности личности, группы людей, но и общественного спокойствия и порядка в целом.

Как было ранее оговорено, женщины, несомненно, относятся к самой виктимизированной группе населения. Наглядно это можно изучить благодаря статистике: из 8,3 тыс. всех случаев гибели россиянок неестественной смертью, около 5 тыс. являются жертвами домашнего насилия, то есть практически две трети (61%). Стоит отметить, что это, согласно данным, опубликованным ООН, практически равносильно среднему мировому уровню домашнего насилия, равному 58%.

Разумеется, для статистики свойственна изменчивость, но здесь имеет место латентная преступность. Причем, не скрытая преступность, то есть, сведения о которой попросту не дошли до правоохранительных органов, а именно скрываемая, известная органам, тем не менее, по каким бы то ни было причинам не нашедшая своего отражения в преступной статистике. Так, по подсчетам, проведенным в настоящем

году Консорциумом женских НПО, посредством автоматического анализа приговоров, количество женщин, погибших от рук мужей, сожителей или родственников в 20 раз превысило данные, которые были официально опубликованы Министерством внутренних дел Российской Федерации. Согласно информации, предоставленной правозащитниками, практически каждое пятое убийство в РФ относится к домашнему насилию.

Распространение и ожесточение противоправных деяний, связанных с насилием над женской частью населения, её особо высокой подверженностью и проблематикой пресечения подобного рода преступлений, стали основой для возникновения и распространения специального термина «фемцид» (или «феминицид»). Он создан для обозначения преднамеренных, то есть осознанных умышленных преступлений против женщин, совершенных вследствие ненависти к ним по гендерному признаку.

Соответствующая необходимость возникает и в развитии виктимологической профилактики, цель которой заключается в исключении виктимогенных ситуаций посредством заблаговременного выявления опасных мест и периодов, после – предупреждении о них групп населения с целью если не избежания угрозы, то её противостояния.

Логическим решением данной проблематики было бы не только её одностороннее изучение и предупреждение, но и регулирование со стороны государства, которого, на мой взгляд, крайне недостаточно. К примеру, в статье 131 Уголовного кодекса РФ об изнасиловании указывается единственный вид сексуального насилия, где изнасилование подразумевает половое сношение с женщиной, где насильник всегда мужчина, потерпевший, соответственно всегда будет женщина. В статье 132 же собраны все оставшиеся действия сексуального характера с применением насилия, то есть «насильственные действия сексуального характера» [1]. Если рассматривать все статьи, связанные с сексуальным насилием, таким образом, несложно сделать вывод, что, за редким исключением, жертвами таких преступлений являются именно женщины. Это и поспособствовало возникновению среди прочих новой разновидности преступлений – преступления против женщин. Это говорит о низком уровне безопасности, в котором пребывают потенциальные жертвы.

С сожалением приходится констатировать тот факт, что не существует в Российской Федерации достаточно эффективных государственных программ, направленных на пресечение преступности против женщин, также нет места и министерствам по делам женщин, и даже каких-либо женских организаций, способных заявлять о своих правах и проблемах достаточно открыто, в той степени, чтоб эти проблемы были услышаны в обществе.

Помимо этого, велика роль латентной преступности, которую подвластно регулировать лишь органам, причастным к охране правопорядка. Ввиду высокого уровня скрытых преступлений становится невозможным даже установление достоверной криминальной статистики, благодаря вспомогательной роли которой устанавливаются как возрастные группы, находящиеся в группе риска, так и преступность регионов и даже конкретных мест.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что без добросовестной работы правоохранительных органов и защиты государства, профилактика женской виктимности будет попросту аннулирована, ведь их роль в рассматриваемой проблеме слишком глобальна.

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021);
2. Голоса убитых женщин – Любава Малышева 08.02.2020 – Радио свобода;
3. Мужчины убивают женщин. Проблема фемцида в мире и России 08.03.2019 – Радио свобода;

4. Тысяча убитых россиянок. Фемицид – кто виноват и что делать? Любава Малышева 12.10.2019 – Радио свобода;
5. Туфли из Стамбула. Патрисия Помпала – о домашнем насилии. Патрисия Помпала. 11.10.2019 – Радио свобода;
6. Женщины и мужчины России. 2018» сборник федеральной службы государственной статистики;
7. Наедине с врагом – Марьяна Торочешникова 13.08.2019- Радио свобода;
8. Виктимологический аспект поведения женщин – жертв преступления. Банных Е.Н.- Дис. Канд. Юрид. Наук: 12.00.08. Челябинск, 2006 175 с. РГБ ОД 61:06-12/1431;
9. Лихаева О.В. Латентная жертва насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейных отношений: дис. Канд. Юрид. Наук: 12.00.08 Тюмень, 2006 203 с. РГБ ОД, 61:07-12/160;
10. Дело сестер Хачатурян: отвечаем на главные вопросы – Нина Назарова, Анна Чернова 26.06.2019 – Би би си.

Зорилэ Д.В.

К вопросу о применении гуманитарно-научных методов в процессе анализа историко-правовых источников

*Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-07-2021-81

Аннотация

В статье рассматривается вопрос применения в историко-правовых исследованиях методологии, получившей развитие в смежных гуманитарных дисциплинах – в молодой области – юрислингвистике, а также в ставшем традиционным направлении – компаративистике, развивающей комплекс сравнительных методов и подходов. Анализируются особенности применения соответствующего методологического инструментария в процессе интерпретации текстов историко-правовой направленности, в частности, проблемы адекватного перевода зарубежных источников, в первую очередь - правовой терминологии. В статье использованы работы как известных теоретиков соответствующих направлений 19 века, так и современных авторов; приведены примеры практической работы с текстами юридической направленности на иностранном языке.

Ключевые слова: язык, юрислингвистика, компаративистика, анализ текста, перевод.

Abstract

The article deals with the involving into the history of law the methodology of a new branch – jurislinguistics and of a traditional one – comparativistics, which supply methodological approaches to the historical investigations. The features of its implementation in order to a correct translation of foreign legal texts and interpretation of their terminology are described. Investigations of authors of 19-th century and modern scientists are involved; also - examples of interpretation of juridical texts in foreign languages.

Keywords: language, jurislinguistics, comparativistic, text analyze, interpretation.

Исследование объективного права осуществляется посредством анализа массива правового материала, имеющего языковую форму выражения. Отечественная теория права выделяет специальный метод толкования – лингвистический – как необходимый этап освоения законодательства. Историко-правовое исследование основано на обращении к разнообразным текстам юридической направленности, что также предполагает их лингвистический анализ. Применение метода лингвистического анализа текстов нормативно-правовых актов и иных правовых источников выводит на связь юриспруденции и лингвистики. Связь этих областей знания как отдельную проблему правовой науки обозначил советский правовед А.А. Ушаков, развивавший